

* * *

Последняя стая сплетает на небе венок,
Последние ливни горят на тропинках Алтая.
Не я забываю твоё молодое вино, —
меня забывают.

В её ли ладони мои онемевшие птицы
осыпались звёздами, словно снега и снега?
Как пахнет слезою студёная влага криницы,
как пахнет тревогой черёмух цветная пурга!..

* * *

Август. Одиннадцать. Солнечный воздух утрат.
Август. Так поздно. Так позднее сердце. Так рано.
Будто легчайшие в небо плывут острова,
В призму стакана.
Август. Одиннадцать. Долгой ценою молчанья
Вышел резной, золочёный, закрученный лист.
Без колебания кровь выдыхает звучанья
Радостных рифм — слышу: певчий стоит пересвист!
Я в листопаде. Немного смущенья. Свеченье.
Первый свой лист я кладу тебе вновь на висок.
Где же ты бродишь, в какие попала значенья,
Озолочённый, просвистанный светом лесок?
Август. Одиннадцать. Где-то в мансарде Парижа
Краски кладёт на глаза и в распахнутый рот.
Поудивляйся. Я солнечным буду и рыжим —
До удивления. Весь этот вспыхнувший год.
Где-то ты здесь и бренчишь мелочишкой, ключами.
Убережёшься ли? Холодом нежным в лопатки
Льёт моё золото. Плечи обхватишь руками —
С места не трону — ко мне убежишь без оглядки.
Так далеко, и уже своих птиц провожаю.
А в листопаде так доброе сердце звенит! —

Где тишина золотая, сырая, лесная, —
Слышишь: — Ау! — Как горит, говорит, говорит...
Август. Одиннадцать. Долгие звуки метельщиц.
Абрис твой нежный мне воздух во мне показал.
Вновь ты приходишь, и снова метелишь, метелишь,
Там, где я листьями света лечу наповал.

★ ★ ★

Молекулы, частицы, светляки
опять рассеет время надо мною:
поток и взвесь, песчинки, голоски
той, что когда-то мне была сестрою.
Она прошла, состарилась, устала,
и — нет, и календарь протёрт до дыр.
А было — глаз тревожных не спускала,
а было — встреч ненужных не искала
и диктовала день — угрюм и сир.

Замученный — ни радость, ни печаль,
заснеженный, едва не зачумлённый,
затерянный, затерянный февраль, —
ослепленный, оставленный, бездомный, —
там далеко, там далеко — до завтра,
и до сегодня, и почти не виден,
соавтор света и весны соавтор,
еще живой, не слышится и стыден, —
прошёл февраль, прошёл февраль, прошёл!
В какие дыры просочиться дымом,
печаль моя, печаль, моя печаль,
к недоубитым и недолюбимым?

Прошёл февраль, прошёл февраль, прошёл!
Как бы прожить сейчас, прожить, как бы прожить,
сестра, твой страх, твой талый корешок —
как не убить, как не убить, как не убить?

Кочует март по серым феврялям,
срастаются во времени обрывы.
Пока мы ждём и помним — пополам,
мы будем живы,
будем живы,
будем живы!

* * *

Как морозам молочным струится в оконце!
И в подойник, на звонкое донце,
Ударяют и брызжут, упруги, летучи.
Струи белые звёзд из разбуженной тучи...

* * *

На стрежне сини облака —
текут в деревьях угловатых.
И к солнцу тянется рука
так медленно и виновато —
почти трава. Благословить.
Сказать! — Хоть вымолви полслова! —
Не затемнить, а засветить.
Так жизнь начиналась снова.
А вдоль аллеи февраля
на север шли горбы заборов,
и в прорубях небес земля
мерцала медленно и скоро.
Писалась фреска бытия, —
вся по сырому, тонко, тало,
и бледный март, как судия,
из сонных ножен вынул жало.

О море утром! Как прекрасная горбунья
 Кувшины ветра полные несёт —
 Сочится синий воздух новолунья,
 И сонной рыбой бьётся небосвод.
 Скользнёт ли мидия, монета ли утонет —
 Как будто кто-то в мире прокричал —
 За сто веков томительные кони
 Погонь и бурь выносят на причал.
 Вот улыбнулись сонные ладони,
 Вот промелькнули где-то в глубине.
 Целуешь камни Крита и Японии,
 Целуешь сердце бешеное мне.
 Как по грудям протопчется ребёнок,
 Пройду к тебе, к дыханью, на Босфор,
 Чуть продымлю, бумажный пароходик,
 И никого не встречу с этих пор.

МГНОВЕНЬЕ

Баба. С небесного воза упала?
 В Трою везли её — не довезли?
 Пены кисейной порвав одеяла,
 К дьяволу сгнули все корабли.
 Тихо. Под треньканье Ориона
 В звёздные сени шарахнется ум,
 В горле — пустыни шершавого стога,
 Сердца и моря растерянный шум.
 Влага поклонами об ноги бьётся:
 — Что же ты стал колуном, колдун?
 Это единственный раз удаётся,
 Жизнь — песчинка! — рыдает бурун.
 Только слезинку сморгнёшь, и — пропала.
 Камни когтями вокруг издерёшь:
 — «Баба с небесного воза пропала!» —
 Нет её, и никогда не найдёшь.
 Может, потом, как Сельвинский Алису,

Вспомнишь, изморщенным стариком,
В некой — тот смуглый, тот солнечный бисер,
Пахнущий бризом, тоской и песком.
И заболеешь усталой идеей:
Что ты её, а не эту любил —
Что, как нежданную Галатею,
Выдумал, вымолил, в сердце добыл.

МАРИНА

В сердце сорвалось — ввалила, вломилась,
с дымящимся небом, — не вал голубой —
сквозь стёкол осколки рыдают чернила,
и вольного грохота валится бой.
Я чувствую: море... Я чувствую: море! —
шипящую массу и вечер воды —
солёную, свежую, едкую горечь,
и сумрак, и счастье, как подступ беды.
В сиропе заката глотнуло — могила.
И — хор с Антигоной, и зелень шипит,
и солнце в холодные входит горнила
яйлы и листвы, и лиловой степи.
А море бросает цветы и подносит
бутылки и красную пену к ногам.
Я снова один, как закат на подносе,
и ветер к турецким гребёт берегам.
В каких там глубинах покой запредельный?
Быть может, по Данту, под хлябями — ад,
но вопли проносятся над Корабельной
плакучею бухтой, и звёзды горят.
И грома! и мрака! — До умалишенья!
И старой гитарой скала дребезжит,
и катятся рыбы в падучем скольженьи
огромной, прозрачной и лёгкой воды.
На грудь и на плечи. В вечерней оправе.
И брызги, и капли по чёрным камням!
И парус, моргая, бежит к Балаклаве,
как бледная свечка по тёмным холмам.

И вправду ты, море! Я берег отрину,
я только родился — я сбрендил, я спятил,
я в пульсе наката, я след твой, Марина,
и первой триремы сорвавшийся якорь.
Как с выходов рыб на солёную сушу,
прапращур мой жабры сжигал на огне
калёного ветра — сушёную душу
несёт и качает на сладкой волне.
И в губы влетят виноградины капель, —
всю песню, всю полночь не вылить в стакан! —
Когда бы возможно, я б штормами запил
и в штиль бы прошёл, как туман в океан.
Барахтаясь, где-то, совсем в Дарданеллах,
к Ахейскому морю, и в архипелаг:
— За дальнюю память, за то, что посмела, —
последнее море, последний кабак!

ЗОНГ

Она не понимает слова:
Лишь крик да стон,
Лишь кровь да жирный пот —
Для струн её оглохших, да остовы
Сгорающих во льду апрельских нот.
Бред улиц, сумасшествие сирени,
Жестокость солнца, подлость темноты,
На нерве ночи — смерть и утешенье,
И крики, и удары, и кресты
Костров, —
Шизофрения пенья,
Квинтета ужасов, —
Рефрен: убить — любить.
Так в двадцать лет убийства и терпенья
Гитара разучилась говорить.

ЗЕЛЁНОЕ

Стучала плащом жесткокрылым, зелёным,
А ветер от моря до моря идёт.
Где слабые тучи, где шорох пелёнок
Шарахнет и стихнет — апрель, водомёт.

И в радугу звона листва — зеленее,
Касаясь ладоней, как вспыхнувший взгляд, —
Прозрачный троллейбус, волос возмущенье, —
Срываются с места и стаей летят.

Зачем приходила? Моё ли творенье? —
Ты — есть, да, ты есть — это — ты, это — ты! —
Всё в диком и свежем венце ускоренья —
Дома и деревья, дороги, мосты.

Пуста скорлупа ожидания части.
Загрызши на смерть снеговую тоску,
Беру только меру дождя и ненастья
И этот, зелёного ветра лоскут.

Полощет и хлещет кленовой ладонью,
Холодная, в губы — брандспойтом шоссе, —
И женщина моет ведро под колонкой,
И облако неба — как окна в росе.

Попытка — пусть пытка! — прогонит стадами
Гневливые годы — я песню леплю,
Пугливая вечность грохочет над нами,
И я тебя вечно, люблю — люблю!

ПЕСНЯ К ДОЖДЮ

Это — да, это — есть, это — так.
Это в городе —
передпраздничном, послепраздничном,
ты идешь, ты ступаешь, плывёшь, —

от тебя не избавлюсь никак, —
в старом городе, в новом городе,
то бетонном, то пряничном.

На панели — хрустальный дождь.

На панели — твой серый дождь,—
капли стряхиваешь с фаты.

Ты одна, ты с подругами, ты проходишь, как дождь,
забегая опять, — не знаю, с какой высоты.

Ты — одна, ты — одна, — чертишь контуры, тени,
то — кометой, серым плащом прошуршишь, —
не моя, не моё онеменьё, и поступь — смятенъё,
в мокром зеркале неба и камня, и капель, и крыш.

За водой — облака. Облака — за водами.

Дождь за облаком спит, — не позвать, не пролить!

Знаю только одно: горевыми годами
тебя можно хранить, можно только хранить.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты зол не чересчур,
меня обворожив,
ты добр не через край,
меня обворовав.

Кровавит мой ощур,
но я покамест жив.

Моя нагая музыка,
играй!

В прозрачном сентябре
куда как мал мой стыд.

А звезд солёный цвет
идет и сердце жрёт,
и на слепой заре,—
горит она, зорит,—
ни тени рядом нет,
и лишь роса ревёт.

И сволочей — до нас,
и милых — после нас,
не считано — на рой,
останется — на ад.
Не тяжелее нас
хароновский баркас,
и был уже другой
горящий звукоряд.

В мой самый добрый день,
в мой самый гиблый год
не поспеши любить —
не поспеши смешить:
в такую голубень,
в такую золотынь
не надо приходить,
не надо приходить.

Ещё совсем чуть-чуть
до аховых кончин.
Ни там, ни там, ни здесь —
ни смысла, ни конца.

Продолжишь этот путь,
так страшно отличим! —
одна святая песнь
пропавшего отца!

КРОВЬ СОЛОВЬЯ

I
В Гефсиманском саду.
Имя мне — Иисус.
Горизонт пошатнулся в луне.
Соловьиная кровь
настоялась на льду,
и горит её гимн — полонез.
Но за что, но за что этот

страшный искус,
господин мой, мой страшный родитель!
Или в небе тебе
не хватает крестов?
Но зачем же так скоро, Учитель?
В руку, полную звёзд,
что там голубь души:
так огонь на себя вызывают.
Всё и так,
словно медленно сладостный гвоздь
к этой чести меня прибивает.
Ах, как реки поют!
Всю бы правду испить
в той предутренней, длинной росе!
Соловьиную смерть
дай мне, Боже, избыть —
эту ночь и недолгий рассвет.

II

В Гефсиманском саду
соловьиная ночь,
и земля пошатнулась, крича.
Кто ты есть, кто ты есть,
человечья ли дочь, —
лунным слепок очей и плеча!
Дай коснусь твоих рук,
дай возьму твоих глаз,
соловьиного света простуда;
заколдованный круг:
это — свет, это — сад,
я люблю, моё имя — Иуда.
Но за что мне, за что
это — в нежности лба,
это тьмы голубое дыханье,
эта тайна и ночь,
эта смерть и судьба,
это правд и неправд отрицанье!
Разрывается сердце ночное, горя,
горе сладкое пьёт

птичью кровь и веселье...
Что-то снова умрёт,
если встанет заря
этой грустною ночью весенней.
 Как два сердца когтит
 соловьиная кровь, —
 грудь одна, двуедино — дыханье.

Разверзается звёздная
грудь облаков.
Свято Слово. Пресвято — молчанье.

* * *

Ты сказал: о любви напиши.
Собирались шуметь дилетанты.
Усмехались в ножнах палаши,
Бормотали куранты.
Вспомним раннюю нашу любовь:
На леса налипают, как мухи,
Гроздя галок, Исакий суров,
Как глухие московские слухи.
Говор шёл на рысях мостовой,
Гололедицу капли ковали,
Резал полоз снежок холостой,
И ко всеобщей церкви рыдали.
Под порывы трагических од
По паркетам скиталась мазурка.
И пасьянсы раскладывал год —
На себя, на царя, на придурка.
Проиграется — утречко с хрустом —
Значит, время пойдёт на обновы:
У Невы, на свихнувшемся спуске,
Не отвеять голов от половы.
Ах, шрапнели на свадьбе звучали! —
В декабре, где темнело каре.
Только красные кляксы мерцали.
На реке, на руках, на дворе.

А потом — плыли снега подушки,
А в гостиной шёл княжеский чай;
И тогда-то, какой-то там Пушкин
Понял горькое слово «Прощай».

БУМАЖНЫЕ КОРАБЛИ

И вот, и вот не знаю, что сказать.
Туман идёт, и волны ковыляют,
И ветер ветер может поломать,
Когда дожди над волнами мотает.

И горизонты жадны и пусты, —
И как бы знать, что только так бывает! —
И все навсхлип. Всё булькает и спит
Младенец моря, и не засыпает...

Спокойной ночи всяким кораблям.
Как ты уныло, смуты построенье!
Пойду ко дну, и утром всякий хлам
На берег вынесет холодное волнение.

Кто пепсиколой за бортом разлит —
Все волны — малые, зелёные, большие!..
И только этот, с шапкою навзрыд,
Твердит: «Прощай, свободная стихия!»

Свободен час, свободен добрый век,
Свободен шаг свободного Гольфстрима,
Свободен ты, свободный человек,
По этим волнам прошагавший мимо.

Куда шагать? В той гавани уют:
Худую баржу ржа на две разгрызла.
В той — крейсера по мне тревогу бьют.
Я полпланеты по волнам измызгал.

Нам в ламинариях со всеми вместе гнить.
Давай, сливай свою святую воду.
Вот этот лиру посвятил народу, —
Кому же мне её не посвятить?

ГИПЕРБОРЕЯ

Неторопливо развернуть повествование
слиянья рек больших,
где в горле давится холодное молчанье
обкатанных камней береговых.

Где лишних радостей — земли холодный сок,
да ёлка-карлица, да птица и вода.
Покайся, ночь, в голодный туесок
бросая камнем тёмные года!

По тундре праведной оленя сонный бег.
Как под копытами стучит больное лоно!
Не заступись, не отступись, мой век! —
До края моря — бубенца и звона.

Звени про Азию свою, — направо — сосны,
циклон — налево, и белей, чем грех,
медвежье, за спиной, слезится солнце
и кутается носом в редкий мех.

Великих рек неспешное течение.
По горло, как в стакане, острова.
Когда до смерти кончилось терпенье,
прошли мосты, и рухнули слова!

БАЛЛАДА

Не бывает в мире быта,
Отплывает вдаль корыто —
Только морда в кровь разбита
По морям и по волнам.

Кто-то времени нахлебник,
Кто-то плачется в передник.
Наступает понедельник
Ежедневно по утрам.

Не бывает в мире бури.
Буря только в нашей шкуре, —
Кто там топчется в лазури? —
Сдохла лодка на камнях.

Не бывает в мире воли,
Только выйди в чисто поле —
Доброволен каждый нолик —
Только «ух» и только «ах».

Ты, да я, да два народа —
В ожидании приплода.
На дворе стоит погода,
А история — вдова.

Отчего ты побирушка?
Выпьем с горя; где же кружка?
Мне петля уже подружка,
Если ты ещё права.

На мели свистит веселье —
Проходных дворов похмелье —
Не бывает в мире хмеля
Для прекрасных наших глаз.

Не бывает в море горя,
Не бывает в мире моря,
Мы живём теперь не споря:
Не бывает в мире нас.